

РУССКИЕ В ХАКОДАТЕ

Анатолий Владимирович ТРЕХСВЯТСКИЙ,
преподаватель филиала ДВГУ в Хакодате (Япония)

Город Хакодате навсегда вошел в историю российско-японских отношений благодаря таким именам, как Адам Лаксман, Василий Головнин, Такадая Кахэй, Иосиф Гошкевич. Деятельность Иосифа Александровича Гошкевича (1814—1875) на посту первого российского консула в Японии в период с 1858 по 1865 г. высоко оценена как в России, так и в Японии и достаточно подробно описана в работах наших востоковедов (Кутаков Л.Н. «Россия и Япония» Иванова Г.Д. «Русские в Японии XIX — начала XX в.» и др.). В декабре 1998 г. в Хакодате проводился японо-российский форум, посвященный 140-летию прибытия Гошкевича в Хакодате. 60-е и начало 70-х годов XIX в. — это период активного знакомства жителей города с русской культурой. Во многом сотрудники первого российского консульства способствовали также популяризации европейской медицины и других наук. Трудно переоценить деятельность миссии русской православной церкви в Хакодате, с 1861 года возглавлявшейся отцом Николаем (впоследствии архиепископ Николай Японский), а затем отцом Анатолием. В этот период Хакодате являлся также базой снабжения кораблей Тихоокеанской флотилии России.

Спад русского присутствия в городе происходит в 1872 г., когда в Токио приступил к исполнению обязанностей посланник Е.К.Бюцов; туда же перебирается и отец Николай. Российский военный флот перебазируется в Нагасаки. С этого года российское императорское консульство в Хакодате находилось практически в закрытом состоянии; изредка сюда приезжали вице-консулы из Токио (1878, 1881). В 1879 г. в Хакодате закрылась гостиница «Россия», после чего русских в городе практически не осталось. Фактически после открытия в 1872 г. посольства (представительства) в Токио историческая миссия консульства на данном этапе тоже завершилась и город утратил доминирующую позицию в русско-японских связях.

В 1887 г. консулом в Хакодате был назначен де Воллан, но пробыл в городе недолго, так как его перевели на должность и.о. консула в Нагасаки. Только с 1893 г., после назначения в Хакодате вице-консулом М.М.Устинова работа консульства возобновилась, что было связано с японским рыболовством в российских водах. Устинов находился в Хакодате с весны по осень, а на зиму уезжал в посольство в Токио, поручая ведение дел в своё отсутствие японскому секретарю. В центре консульской работы находилось всё то, что так или иначе было связано с рыбным промыслом: контакты с японскими рыбопромышленниками, обработка информации из таможи и других учреждений. Информация направлялась в МИД России и учитывалась в выработке политики российского правительства по отношению к японским рыбопромышленникам.

В последующие годы Хакодате стал играть роль центральной базы японского рыболовства в российских водах. В 1899 г. в городе было открыто представительство торгового дома Семёнова. В условиях активизации экономичес-

Здание российского консульства

ких связей было принято решение о строительстве капитального здания консульства. Назначенный в 1900 г. на должность вице-консула М.М. Геденштрем приобрел в 1902 г. земельный участок в районе Фунами.

Строительство консульства началось в канун русско-японской войны и на период войны было заморожено. Когда сотрудники консульства вернулись в Хакодате в 1906 г. (вице-консул Траушгольд), то строительные работы возобновились, и к концу года здание было построено. В 1907 г. в городе вспыхнул

пожар, в результате которого полностью сгорело и только что построенное здание консульства. Восстановительные, а вернее, строительные работы, начатые практически с нуля, были завершены в феврале 1908 г. именно это здание и сохранилось до наших дней.

* * *

В первой четверти XX в. Хакодате имел достаточно активное пароходное сообщение с российскими портами, обслуживавшееся как японскими, так и российскими судами.

До русско-японской войны российский Дальний Восток обслуживали суда Общества КВЖД, конфискованные затем японцами. С 1906 г. появились суда Добровольного флота, которые возобновили навигацию между Камчаткой, портами Охотского моря и Владивостоком.

По пути на север или во Владивосток суда заходили в Хакодате. Роль представительства или отделения Доброфлота в Хакодате играла компания Дэмби. Во время стоянки судна в порту члены экипажа и пассажиры выходили в город за покупками, на многих магазинах были вывески на русском языке, а продавцы могли немного изъясняться по-русски.

Вот как Камэи Кацуитиро описывает в довоенном краеведческом журнале свои детские воспоминания о встречах с русскими в то время: «... Я родился и всю жизнь прожил в Хакодате. Со времен открытия порта для иностранцев здесь жило много англичан, американцев, русских. Большая часть из них занималась торговлей. Во времена моего детства на многих магазинах Хакодате были вывески не только на японском языке, но и на русском.

Русские моряки и рыбаки были очень популярны среди детей. Как только русские сходили на причал, то тут же начинали пить водку... Вот примерно 10 человек танцуют, встав в круг. Кто-то играет на балалайке; шум и веселье продолжается с утра до вечера, перетекая с одной улицы на другую. Дети следуют по пятам за моряками. Вот один жизнерадостный моряк поднимает на руки ребенка и дарит ему медные и серебряные монеты с изображением царя...

... Но часто пьяные моряки затевали ссоры, и только вмешательство полиции несколько отрезвляло их. Два раза двери моего дома ломали пьяные русские моряки. Причина была проста — дверь попадалась им на пути. От страха я прятался в глубине дома. Можно было видеть русских пьяных, и мужчин, и женщин, заснувших в придорожной канаве, и японцев, собиравшихся поглазеть на это удивительное зрелище...»¹.

С 1924 г. на охотско-камчатской линии начали работать суда советского торгового флота; роль представительства в Хакодате стало играть отделение «Центросоюза».

Последние годы работы российского консульства и русская революция

Приехавший в 1912 г. из г. Дальнего вице-консул Ф.Лебедев оставался в Хакодате до 1925 г., причем последние годы в городе он провел уже в качестве эмигранта. После Октябрьского переворота в Петрограде в хакодатских газе-

тах появились статьи о том, что по указанию наркома Чичерина и начальника дальневосточного отдела Вознесенского в соответствии с директивой от 5 декабря 1917 г. все российские императорские консульства должны сложить свои полномочия, и российские граждане, проживающие на территории консульского округа, должны выбрать кандидатов в консулы и направить предложения по их утверждению центральному правительству. Российские консульства в дальневосточных странах должны были перейти под юрисдикцию территориальных советов, в том числе консульство в Хакодате подпадало под юрисдикцию Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов, и т.д.²

Но по указанию российского императорского посольства в Токио Лебедев продолжал исполнять свои обязанности; над консульством по-прежнему был поднят государственный флаг Российской империи. С 1917 по 1921 г. консульство только за оказание консульских услуг и разрешений на лов рыбы получило 213 711 иен (подсчитано по бюллетеню японской полиции «Гайдзи кэйсацухо»; в нынешних ценах эта сумма равна примерно 330 млн. иен, или 2 млн. 800 тыс. дол.). Однако после заключения владивостокским правительством Меркулова в 1921 г. рыболовного соглашения с японским правительством выдача всех документов и разрешений стала осуществляться во Владивостоке. Консульство осталось без работы.

После окончательного утверждения власти Советов на Дальнем Востоке Лебедев предпринимает попытки признания консульства советским правительством, которые потерпели неудачу. По японским полицейским источникам того времени, Лебедев использовал служебное положение для получения взятки от японских рыбопромышленников и имел капитал, равный примерно 100 тыс. иен (в нынешних ценах это примерно 160 млн. иен, или 1 млн. 400 тыс. дол.) (бюллетень японской полиции «Гайдзи кэйсацухо»). После заключения в 1925 г. советско-японского договора (Пекинский договор) Лебедев должен был освободить здание консульства; получив от японского правительства удостоверение беженца и распродав домашнее имущество, Лебедев вместе с семьей покинул Хакодате, где провел 13 лет, и отправился в Мексику. Его провожали представители русской Православной церкви, русские рыбопромышленники, жившие в Хакодате³.

Открытие в Хакодате советского консульства

Еще до установления дипломатических отношений между советской Россией и Японией в 1923 г. в Хакодате были направлены советские представители, в задачу которых входила выдача разрешений на рыбный промысел в советских водах. В том же году в Хакодате было открыто японское отделение «Центросоюза».

В местных газетах появились рекламные объявления «Центросоюза»: «Экспорт промыслового оборудования и продовольствия и импорт рыбы и морепродуктов с Дальнего Востока России»⁴. В апреле 1925 г. в Хакодате прибыл первый советский консул А.Н. Логинов, с мая началась официальная работа консульства. На время ремонта здания консульства использовалось временное помещение; в сентябре 1927 г. советские сотрудники въехали в здание.

Хакодате и связи с Россией в области рыбной промышленности

Широкомасштабная экономическая экспансия японской рыбной промышленности на Дальний Восток России началась в 80-е годы XIX в. Японские промышленники, освоив побережье Сахалина, проникают дальше в низовья Амура и на Охотско-Камчатское побережье. О масштабах их деятельности свидетельствуют следующие цифры: в 1894 г. японские промышленники только в прибрежных водах Сахалина добыли 364 003 пуда рыбы, а русские — 29 215 пудов, т.е. в 12,5 раза меньше⁵. С конца 1890-х годов японские рыбопромышленники начинают осваивать рыбные запасы побережья Камчатки сначала в виде «ску-

па» излишков рыбы у местного населения, а впоследствии занимаясь и непосредственным ловом и переработкой рыбы на арендованных участках⁶.

Хакодате играл решающую роль в этом сотрудничестве не только как центр японского рыболовства в российских, а затем и советских водах, но и как важный рынок сбыта продукции российских рыбопромышленников в Японии. В Хакодате действовали представительства торговых домов Люри и Рубинштейна, Дэмби, Грушецкого. Большое влияние на связи в области рыбной промышленности оказало установление власти Советов на Дальнем Востоке. Некоторые российские рыбопромышленники уехали за границу, в том числе и в Хакодате. Из 25 рыбопромышленников, оказавшихся в Хакодате к 1925 г., можно назвать такие имена, как Дэмби, А.П. Надецкий, М.М. Люри, А.И. Рубинштейн. Некоторые из них в последующем активно сотрудничали с советскими рыбопромышленными организациями.

Несколько слов о деятельности в Хакодате российских торговых домов

В 1899 г. в Хакодате была зарегистрирована фирма «Торговый дом Семёнова», которая начала свою деятельность с промысла ламинарии на западном побережье Сахалина и постепенно расширила рамки до промысла сельди, кеты, горбуши, нанимая большое число японских рыбаков. Контора в Хакодате занималась наймом рабочей силы, снабжением орудиями лова и реализацией рыбной продукции. Являясь российской компанией, она в годы перед русско-японской войной имела значительное экономическое влияние в Хакодате. После войны Семёнов потерял рыбопромысловые участки на Сахалине и отошел от рыбного хозяйства, но его компаньон, принявший российское подданство шотландец Джордж Дэмби и его сын Альфред основали «Торговый дом Дэмби», который продолжил промысел. Экономической основой дома Дэмби было производство лососевых консервов; он имел рыбалки на восточном и западном побережье Камчатки и два современных консервных завода в устье р. Камчатки. Главная контора торгового дома находилась во Владивостоке, а представительство в Хакодате занималось эксплуатацией рыбопромысловых участков. На путину нанимали примерно тысячу японских работников. Дом являлся также представителем Добровольного флота в Хакодате и занимал определенное место в пушном бизнесе. После революции Дэмби покинул Владивосток и эмигрировал в Хакодате. Торговый дом сохранил право на рыбопромысловые участки, поэтому, получив кредит от Мицубиси, Дэмби создал в 1918 г. компанию «Хокуё гёгё» (рыболовство в северных морях) и продолжил промысел.

История торгового дома братьев Люри начинается в Николаевске-на-Амуре в 1902 г. Они имели тесные связи в области рыбного промысла с торговым домом Симада Гэнтаро, также действовавшим в Николаевске и оказывавшим посреднические услуги большей части японских рыбопромышленников из Хакодате, действовавших в этом районе Дальнего Востока. В канун первой мировой войны Люри открывают представительство в г. Хакодате.

С утверждением на Дальнем Востоке советской власти и началом нэпа проводится политика привлечения частного сектора в рыбную промышленность. Интересно, что и к русским рыбопромышленникам, проживавшим в Хакодате (Благоченский, Данич, Орлов и др.), поступило послание от советского рыболовного инспектора с приглашением к сотрудничеству и обещанием предоставления бесплатного транспорта и ссуд под низкие проценты⁷. В подобных условиях часть рыбопромышленников принимает советское гражданство, а некоторые из них возвращаются на родину, в том числе Благоченский и Данич, оставив в Хакодате свои японские семьи; М. Люри также принимает советское гражданство.

Наряду с конторой в Хакодате Люри открывает во Владивостоке отделение, в 1924 г. основывает акционерное общество с участием государства Дальморпродукт и назначается его директором-распорядителем. Однако в том же

году оставляет этот пост и остается президентом хакодатского торгового дома Люри⁸.

Успешная деятельность Люри, признание его как крупного специалиста рыбной промышленности со стороны советских властей послужило поводом для ряда японских газет объявить его представителем III Интернационала в Японии⁹.

Представительства советских государственных внешнеторговых и рыбопромышленных организаций в Хакодате

С 1923 г. в Хакодате открывается японское отделение Центросоюза, проработавшее 3 года. Отделение устанавливает связи с поставщиками и финансовыми учреждениями Японии для получения кредитов. Только в 1925 г. сумма кредитов составила 2,5 млн. иен, из которых 50 процентов были товарными. Фактически роль Центросоюза в Японии в тот период сводилась к выполнению обязанностей торгпредства¹⁰. Кроме него в городе в разные годы примерно до 1933 г. действовали представительства таких организаций, как Дальгосторг, торгпредство, Совторгфлот, Дальморепродукт, Дальгосрыбтрест, АКО (по материалам газет «Хакодате симбун» и «Хакодате майнити симбун»). Целью данных представительств являлась закупка оборудования, материалов и орудий лова для рыбных промыслов Дальнего Востока, найм квалифицированной японской рабочей силы, фрахт судов, реализация рыбной продукции в Японии (в основном в Хакодате). О масштабах их деятельности в те годы говорят такие цифры: в 1929 г. советская сторона наняла на рыболовные промыслы 4388 японских работников (по данным японо-русского статистического ежегодника за 1933 г.); только в Хакодате в том же году советское торгпредство израсходовало на нужды рыбной промышленности около 6 млн. 300 тыс. иен¹¹. Пик сотрудничества был достигнут в 1930 г. Советская сторона наняла на рыболовные промыслы 9545 японских работников (по данным японо-русского статистического ежегодника за 1933 г.), хакодатские фирмы поставили советской стороне сетей и других орудий лова на 2 млн. 500 тыс. иен., после чего советской стороной был взят курс на сворачивание закупок у японской стороны и найма японской рабочей силы.

В 1934 г. практически прекратились поставки советской стороне орудий лова и другого оборудования из Хакодате. В связи с этим в заметке газеты «Хакодате нитинити симбун» от 3 марта 1935 г. отмечалось, что из-за нехватки средств и материальных ресурсов СССР не сможет провести пути-ну на 2/3 рыбалок Дальнего Востока.

Последний всплеск на данном этапе сотрудничества был связан с продажей КВЖД Маньчжоу-Го. Советский Союз получил от продажи 140 млн. иен.

Здание, в котором находился
торговый дом Люри

Из них 93 млн. 300 тыс. иен должны были быть уплачены не деньгами, а в виде поставок оборудования и товаров. Часть поставок была выполнена фирмами Хакодате. По договоренности сторон, поставки нужно было завершить до марта 1938 года (фактически были завершены в июле 1938 г.). Только на верфях Хакодате было построено и передано советской стороне 248 рыболовецких судов разного водоизмещения на сумму примерно 1 млн. 800 тыс. иен, а также поставлено 20 тыс. т консервных банок на 150 тыс. иен¹².

Русская эмигрантская община

Как отмечает японская исследовательница российской эмиграции в Японии Курата Юка, в результате окончательного поражения колчаковской армии в Чите в начале 1920 г. в Японии резко увеличился приток российских беженцев. Эвакуация из Владивостока, связанная с ликвидацией правительства Дальневосточной республики, осенью 1922 г. оказалась наиболее массовой.

Нарастание потока беженцев из России побудило японские власти ввести особую «Систему предъявления денег», предоставлявшую беженцам и политэмигрантам из России право въезда в Японию (директива полицмейстера от 17 февраля 1920 г.). До этого времени иностранцы, приезжавшие из России в Японию, были обязаны предъявить, кроме законных паспортов, более 250 иен с души (примерно 400 тыс. иен или 3 278 дол. США в нынешних ценах. — *По подсчетам автора*), чтобы получить разрешение на въезд в Японию. Указанная сумма определялась стоимостью одного пассажирского билета в каюте третьего класса, который транзитные пассажиры-беженцы обычно покупали, направляясь в другие страны.

Теперь беженцам из России, заявившим о намерении проживать в Японии (т.е. нетранзитным пассажирам), предлагалось за въезд на японскую территорию предъявить более 1500 иен с души (примерно 2 млн. 400 тыс. иен или 19 672 дол. США в нынешних ценах. — *По подсчетам автора*), что считалось минимальной суммой для жизни в Японии. Исключение из этого правила делалось для тех лиц, у которых имелся поручитель, признанный японскими властями способным поддерживать эмигранта материально. В большинстве же случаев российским беженцам, практически лишенным средств к существованию, трудно было найти обеспеченных поручителей, которых могли бы признать эквивалентом «предъявительских денег». Иначе говоря, «система предъявления денег» стала большим препятствием для малоимущих беженцев-россиян при въезде на территорию Японии¹³.

Затрудняли адаптацию эмигрантов в Японии незнание языка, а также трудности с получением работы, дороговизна и др. Но несмотря на это, а также ограничительные меры японских властей, в 20—30-е годы XX в. на постоянное жительство в Японии осталось приблизительно 1000—1500 русских (см. табл. 1).

Революция и гражданская война в России явились причиной появления русских эмигрантов в Японии, в том числе на Хоккайдо и в Хакодате. По официальным данным, количество русских в Хакодате резко возрастает с 1918 г. и достигает своего пика в 1930 г. — 116 чел. (включая советских граждан).

По мнению Камэи Кацуитиро, количество русских в городе одно время достигло 400—500 чел. Появлению русских эмигрантов в Хакодате способствовало наличие судоходного сообщения и устойчивых связей между городом и портами Дальнего Востока России по линии рыбной промышленности. К сожалению, сохранились лишь отрывочные сведения о некоторых проживавших в Хакодате эмигрантах, в основном бывших военных, чиновниках и рыбопромышленниках. Были среди эмигрантов и очень состоятельные люди, например торговец мехами Швец, построивший в начале 30-х годов на Мотомачи особняк в европейском стиле внушительных размеров (сейчас в нем расположен магазин «Карл Реймон»); рыбопромышленники Дэмби, Люри и другие, но основная часть эмиграции была нищей и зарабатывала себе на жизнь мелкой торговлей вразнос. Можно выделить два места сравнительно компактного проживания русских в городе: в районе Мотомачи вокруг русской Православной церкви (там даже один доходный дом назывался «Русский дом», потому что в нем проживали многие русские эмигранты) и на тогдашней окраине в районе р. Юнокава («русский поселок»).

Таблица 1. Динамика численности русских, проживавших в Японии в период 1910—1941 гг.* (Данные на конец каждого года.)

Год	Русские в Японии	Год	Общее число русских в Японии	Русские с российским подданством	Русские с советским гражданством
1910	120	1932	1537	1167	370
1911	127	1933	1479	1209	270
1912	102	1934	1457	1217	240
1913	105	1935	1529	1248	281
1914	107	1936	1562	1294	268
1915	150				
1916	263			Лица без гражданства в т. ч. русские с российским подданством	Русские с советским гражданством
1917	439				
1918	687				
1919	1102				
1920	1234				
1921	1051				
1922	834	1937	1546	1310	236
1923	566	1938	1465	1299	166
1924	818	1939	1501	1305	196
1925	1176	1940	1503	1247	256
1926	1364	1941	1178	1093	85
1927	1419				
1928	1473				
1929	1527				
1930	1666				
1931	1561				

* В статистике не указано количество русских с японским паспортом. (По мнению составителя, число таковых было незначительно.)

Таблица 1 составлена Курата Юка по материалам статотчётов МВД Японии (В сб. Наимусё Токэн Хококу, тт. 26—51. Токно, 1990—1991). В данных указана численность всех русских, проживавших в Японии, включая беженцев. Приводится в сборнике Acta Slavica Iaponica, Tomus XIV, 1996, Sapporo, Japan.

Хакодатские газеты 20-х годов довольно подробно описывают жизнь русской эмиграции того времени, отмечая ее противостояние с советскими гражданами и эмигрантами, принявшими советское гражданство.

Любопытное свидетельство о ситуации, которая сложилась в среде русских, проживавших в Хакодате, оставил уже упоминавшийся выше Камэи Кацунитиро: «... Однако все враз изменилось после 1917 г. В порту не стало судов Добровольного флота, не были видны и русские рыбаки, на здании российского консульства был вывешен красный флаг. Русские, проживавшие в городе, разделились на «красных» русских и «белых» русских, даже покупки они делали в разных магазинах и при встречах в городе смотрели друг на друга свирепыми взглядами. Постепенно в город стали прибывать беженцы из России. Временами их численность достигала 400— 500 человек...

... Большое впечатление на меня произвело празднование очередной годовщины русской революции. На домах «красных» и советского консульства были вывешены красные флаги, а на домах «белых» — государственные флаги Российской империи. На прием, устроенный консульством, собрались все влиятельные люди Хакодате во главе с мэром: звучит музыка, произносятся тосты — последний в сторону портрета Ленина. А в это же время люди из «белых» в траурных одеждах молятся за убитых в этой же революции своих

близких и знакомых под звуки колокола... Два лагеря одного народа один и тот же день встречают с радостью или печалью...»¹⁴.

Ряд русских эмигрантов входили в различные эмигрантские союзы и общества, из которых самым заметным была Ассоциация русских беженцев Хоккайдо, отделение которой в Хакодате было зарегистрировано по адресу: Хакодате, Мацукадзе-тё, 17.

«Ассоциация русских беженцев Хоккайдо» была образована в Асахикава в 1929 г., а через некоторое время перебазировалась в Саппоро. Первым председателем был проживавший в Саппоро торговец европейским платьем Е.С. Миронов, а затем в феврале-марте 1932 г. председателем стал торговец сукном из Мурорана Кузьма Зверев. Цель ассоциации — «объединение всех антисоветских русских и взаимопомощь членов», которых по всему Хоккайдо насчитывалось не более 20 чел. (Асахикава — 6, Куширо, Хакодате, Сахалин — по 3, Саппоро, Обихиро, Корея — по 1 чел.). Из Хакодате — Кравцов, Русских, Тенищев. Из 19 чел. 18 были торговцами сукном, Кравцов занимался посредническим бизнесом.

В Хакодате была зарегистрирована даже такая экзотическая организация, как Движение за независимость якутского народа (Хакодате, Нисикава-тё, 25); японской полицией отмечалась ее связь с правыми военными организациями в Токио через представителя Винокурова.

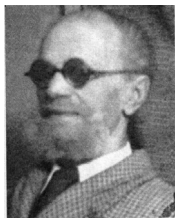
Как уже отмечалось выше, среди русских эмигрантов были такие, кто принял советское гражданство и работал в советских государственных организациях в рыбной промышленности.

подавляющее большинство русских эмигрантов покинули Хакодате в 30-е годы, но были и такие, кто прожил в нем долгую жизнь и похоронен здесь. Назовем некоторых из них.

Сафайлов Владимир Михайлович. Из дворян. До революции имел собственные рыболовные участки в районе Николаевска, приехал в Хакодате не позднее 1925 г. Некоторое время преподавал русский язык, занимался выпечкой хлеба. Построил дом в районе Юнокавы, женился на японке. Всю оставшуюся жизнь прожил в Хакодате. Умер в 1960 г., похоронен вместе с женой на кладбище японской автокефальной церкви в Хакодате.

Королев Анатолий. Из дворян. Морской офицер, в годы первой мировой войны воевал на кораблях Балтийского флота. В канун революции учебная флотилия, одним из кораблей которой он командовал, находилась с визитом в США. Матросы тральщика, узнав о революции в России, требуют возвращения на Родину и поднимают восстание. Королев бежит с корабля и обосновывается в Нью-Йорке, занимаясь перевозкой грузов. С течением времени беспокойство о родителях, оставшихся в России, берет верх, и Королев замышляет проникнуть в Россию через Дальний Восток. В первой половине 20-х годов он приезжает из Америки в Хакодате и обосновывается на жительство в «Русском доме». С 1927 г. Королев становится представителем «АКО» (Акционерное камчатское общество) в Хакодате. Женится на Хасимото Кикуюё, несмотря на противодействие ее семьи. После окончания второй мировой войны становится переводчиком штаба американских оккупационных войск, преподает американским военным русский язык, ведет преподавание русского языка на НК. В 1964 г. принимает японское подданство и становится «Анатолием Хасимото Королевым». Умер в Токио в 1975 г., похоронен в Хакодате на кладбище рядом с могилой семьи Исикава Такубоку.

Архангельский Василий Васильевич. До революции служил рыбинспектором на Камчатке. В Хакодате работал в отделении Центросоюза, затем с 1933 г. поступил на работу в иностранный отдел хакодатского отделения фирмы «Нитиро гёгё», занимаясь составлением и переводом различных документов. Преподавал русский язык, много усилий уделял воспитанию японцев — переводчиков русского языка. С 1928 г. издавал газету на русском языке «Шукан Хакодате», выходящую 2 раза в неделю и посвященную ситуации в рыб-

Сафайлов Владимир
Михайлович

Королев Анатолий

Архангельский Василий
Васильевич

ной промышленности, ценам на рыбную продукцию в Хакодате, на мировых биржах. Сохранилось 53 номера газеты за период 1928—29 гг. Умер в 1939 г., похоронен на русском кладбище в Хакодате.

Ценнейшим источником, повествующим о жизни русской эмиграции в городе, являются местные газеты того времени. «Хакодате нитинити симбун» 9 сентября 1924 г. отмечает, что в Хакодате после революции прибыло более 50 эмигрантов, из них примерно 30 чел. зарабатывают на жизнь торговлей сукном. Популярность сукна была связана с тем, что как раз в эти годы японские мужчины массово переходили с японского на европейский стиль одежды.

В отчете за 1926 г. иностранного отдела губернаторства Хоккайдо отмечалось, что на Хоккайдо проживало 58 семей русских эмигрантов, что составляло 154 чел. Основное занятие — торговля сукном и одеждой, выпечка хлеба. Центр их деятельности — Саппоро, сукно поставляется из Осака, а затем расходуется по всему острову. Подозрительных действий со стороны эмигрантов пока не зафиксировано. Под «подозрительными действиями» подразумевалась пропаганда идей социализма.

В статистическом справочнике «Населенные пункты округа Хакодате», изданном в 1917 г., в 15 главе приводятся сведения о 7 русских, занимающихся сельским хозяйством в местечке Сасарю деревни Дзэникамэдзава под Хакодате. Отмечается, что они прибыли из Владивостока в 1914 г. и жили сначала в Хакодате в районе Синкава, затем перебрались за город и занялись разведением домашнего скота и птицы. Сохранились некоторые имена: Ф. Д. Савельев, его жена Ксения, дочь, их родственники Нил, Аким Павлович Васильев, его жена Фёкла. В сборнике помещена фотография, на которой видны сельхозугодья, деревянные хозяйственные и жилые постройки переселенцев. К 1922 г. количество русских, проживающих в Сасарю, возросло до 19 чел.

Корреспондент газеты «Хакодате майнити симбун» в заметке от 28 мая 1922 г. описывает жизнь семьи Васильевых: жилище скромное, на алтаре в одном из углов комнаты находится 6 священных книг; каждую неделю в ночь с субботы на воскресенье и по праздникам здесь собираются все переселенцы на молитвы.

В газете за 27 марта 1925 г. помещена статья о той же общине: «Неподалеку от трапестинского монастыря в местечке Сасарю простирается холмистая возвышенность. Именно здесь живут переселенцы из России, которые занимаются сельским хозяйством на окрестных землях, а также подрабатывают извозом в городе. Среди них выделяется седой старик, которого зовут Васильев. Возраста своего он не знает, но, по мнению других поселенцев, ему больше ста лет. Васильев самым первым поселился в этих местах. Родом он из сибирской старообрядческой семьи. Испытывая на себе гонения со стороны «новой религии», он мечтал найти страну, где можно свободно исповедовать религию своих предков. Он часто слышал, что на востоке есть страна «Белый свет», поиски которой и привели его в Хакодате.

Российский консул Траудшёльд, к которому обратился Васильев со своими поисками «Белого света» (можно предположить, что это один из вариантов легенды о «Беловодье» — страны-утопии, находящейся за морем), решил, что

тот разыскивает трапестинский монастырь в Тобэцу и перепоручил его заботам некоего француза из Тобэцу. Именно в Тобэцу Васильев понял, что возвышенность Уга рядом с Тобэцу и есть та обетованная земля, которую он искал. Рядом протекала река Мацукура, из которой можно было пополнять запасы воды, ведь Васильев пил только природную воду. В 1910 г. в городском районе Синкава за 80 иен он построил небольшой дом и некоторое время жил здесь, проводя время в молитвах. Потом, переселившись за город в Сасарю (сейчас это район города Хакодате Акагаока выше аэропорта — *Прим.автора*), Васильев вызвал сюда единоверцев».

Далее автор заметки приводит сетования старика на падение нравов в общине — «стали курить, пить спиртное, гулять в питейных заведениях курортного местечка Юнокава... И только седобородый старец продолжает хранить старую веру».

Неизвестно, что побудило корреспондента закончить описание общины старообрядцев именно таким образом, но его выводы прямо противоречат данным иностранного отдела полиции за 1926 г., хранящимся в архиве МИД Японии. Из этих данных следует, что община старообрядцев находилась под наблюдением полиции. В отчете отмечается, что община живет чрезвычайно бедно. Где уж здесь гулянки на Юнокава! Отмечается, что затем обе семьи (Васильевы и Савельевы) уехали в Северную Америку.

Наряду с этими двумя семьями на Юнокава во второй половине 20-х годов образовалось небольшое русское поселение, которое называлось местными жителями «росукэ бураку» («русский поселок». Само слово «росукэ» произошло от «русский», но за счет изменения окончания стало похоже на японское имя с окончанием «сукэ», имело пренебрежительный, презрительный оттенок, но для русских, которые не понимали японского языка, слово было просто созвучно русскому «русский»). Можно предположить о пренебрежительном отношении местных жителей к русским уже по тому, как они называли место. В 6 домах жило 9 семей — 22 мужчины и 16 женщин. Некоторые из них были старообрядцами, остальные — обычные православные, были даже и те, кого тогда называли «красными».

В поселке старообрядцев было большинство, но в Хакодате они составляли лишь небольшую часть русских эмигрантов. Если в целом количество российских подданных к 1917 г. составляло чуть более 10 чел., то к 1926 г. оно превысило 100 чел., к 1930 г. достигло своего пика — 116 чел. — и в последующие годы стало снижаться. Тем не менее русские составляли самую большую колонию иностранцев в городе (за ними следовали китайцы — 92 чел.). Но по некоторым неофициальным данным, иногда число русских в городе достигало 400 человек (из воспоминаний Камэи Кацуитиро, Надежды Нарита).

Выше уже упоминалось, что экономической основой жизни старообрядцев в Хакодате было сельское хозяйство и извоз, но больше всего в памяти жителей они остались как хлебопеки. Продажей хлеба в городе занимались молодые девушки и дети. Расстояние было небольшим: от Сасарю до Юнокавы — 2 км, а до тогдашнего центра города и порта, куда заходили российские суда — еще 4 км. Тогда хлеб не пользовался популярностью среди японцев, поэтому выручка от его продажи была незначительной.

К трудностям адаптации старообрядцев можно отнести такую причину, как большие различия в ведении сельского хозяйства между японцами и русскими. Привыкшие к экстенсивному хозяйству старообрядцы испытывали большие трудности в нехватке земли, им было практически невозможно взять в аренду более или менее большие пашни. Еще одна причина — ограниченный состав общины лишал подрастающих детей возможности вступить в брак, так как у староверов были особенно строгие ограничения на браки между родственниками. В газетах того времени можно было встретить рекламные объявления о срочной распродаже домашнего скота: «По очень дешевой цене продаются коровы 2,5 и 6 лет, лошади 7, 8 лет. Юнокава, Ник Ерофеев.»¹⁵

Русские женщины
на улицах Хакодате

Как уже отмечалось выше, с началом 30-х годов эмигрантская община в Хакодате начинает уменьшаться. Есть несколько причин, по которым Хакодате (да и Япония в целом) не стал для большинства беженцев из России более или менее постоянным приютом: количество рабочих мест, и без того весьма проблематичное в городе, с наступлением экономического кризиса начала 30-х годов и вовсе сошло на нет; чуждая культура, обычаи и жизнь также сыграли большую роль. Несмотря на активные экономические связи с СССР в области рыбной промышленности, жители города практически ничего не знали о соседней стране. За исключением переводчиков и немногочисленных представителей местной интеллигенции общение жителей с русскими ограничивалось периодической покупкой у разносчиков хлеба и товаров с лотка. На повседневном уровне, несмотря на проживание

по соседству, со стороны японцев к эмигрантам не было интереса, доброжелательности или уважения. По всей видимости, значительную роль здесь сыграли обстоятельства, по которым эти русские люди в основной своей массе без средств к существованию оказались в Японии. Слишком они отличались от образа утонченных европейцев, к которому привыкли японцы еще в эпоху Мэйдзи.

«Беглецы с красной Родины»

С Хакодате также связано такое явление начала 30-х годов, как бегство заключенных из дальневосточных лагерей в Японию. Являясь одним из интересных моментов драматической истории нашей страны 30-х годов, данное явление заслуживает более подробного освещения. Поиском и обобщением информации о беглецах из Японии занималась уже упоминавшаяся выше Курата Юка; по ее сведениям, только в 1932 г. с октября по декабрь было 5 случаев успешных побегов в Японию с общим количеством беглецов 33 чел., включая умерших в пути¹⁶. Из них 21 чел. был передан японскими властями советскому консульству в Хакодате и отправлен на родину. Среди японской общественности было развернуто движение помощи беглецам из России. В местных газетах («Хакодате симбун», «Хоккай таймз» и др.) подробно описывались данные инциденты.

По сообщениям японских газет, в 1932 г. был зафиксирован целый ряд случаев высадки на западное побережье Хоккайдо русских из Приморья, прибывших на парусных судах, что доставило массу хлопот иностранному отделу полицейского управления губернаторства.

Газета «Хоккай таймз» в номерах за 20 и 25 октября под заголовками «Более 10 человек, бежавших из Приморья на 2-х парусных судах, прибыли в Соя», «Почему бегут с красной Родины?», а также «Хакодате симбун» (31.10) рассказывают о беглецах и их прибытии в Хакодате 30.10.1932 г. Все они являлись заключенными, работавшими на рыболовных участках ГПУ и решившими совершить групповые побеги в Японию, не выдержав тяжелых условий

труда. Один из них, мужчина 40 лет по имени Трифон, рассказал о причинах бегства корреспонденту «Хакодате симбун» следующее: раньше он жил на Дону, занимался сельским хозяйством и рыболовством; осенью 1927 г. и земля, и рыболовный участок были отобраны красными, а он был арестован и отправлен в трудовой лагерь в Светлую (Приморье). Осужденные воспользовались тем, что выходили на парусном судне на промысел сельди иваси и решили бежать в сторону Японии¹⁷.

В газетах сообщалось, что беглецы уверены: всех их по возвращении во Владивосток ждет расстрел¹⁸. Через несколько дней управление морской полиции Хакодате посетили 3 представителя русской эмиграции: Зверев из Мурорана (Ассоциация русских беженцев Хоккайдо), Русских, торговец европейской одеждой из Хакодате (Вакамацу-чэ), Кравцов (Юнокава, Тэрано). Встретиться с беглецами им не разрешили, а только позволили передать хлеб. После публикации в «Хакодате симбун» (2.11) беглецам со всех сторон от русских эмигрантов и японцев стали поступать хлеб, фрукты. 7 ноября 1932 г., в день, когда советское посольство праздновало 15-ю годовщину Октябрьской революции, 20 русских эмигрантов, проживавших в Хакодате, подали начальнику управления морской полиции Хакодате ходатайство о пощаде, в котором содержалась просьба прекратить все переговоры о передаче беглецов советским властям. В ходатайстве взывалось к «кодексу самурайской чести» и выражалась просьба дать возможность беженцам уехать в Шанхай или любое другое безопасное место.

Уже упоминавшиеся Зверев, Кравцов, а также Миронов из Саппоро и другие в целях расширения движения по спасению беглецов обратились за содействием в Русский национальный союз эмигрантов в Японии (Токио, представитель Чертков Г.И.), а также в «Токийский исламский союз» (представитель Курбангалиев), а последние обратились с петицией в соответствующее министерство и в иностранный отдел полицейского управления. Однако все попытки не принесли никакого результата.

После 20 дней ожидания попутного судна, направляющегося во Владивосток, наконец 19 ноября в Хакодате пришел «корабль смерти», как называли в газете «Хоккай таймс» (21.11) траулер «Буревестник»(?). 20 ноября под усиленной охраной все беглецы были посажены на судно, которое в тот же день отправилось во Владивосток.

Немногочисленная русская эмиграция в Японии была отзывчива к чужому горю и живо откликнулась на просьбы о помощи. Так было и со сбором средств для пострадавших от наводнения русских жителей Харбина, а также с попыткой спасти бежавших из дальневосточных лагерей, чудом добравшихся до Японии. После случая с передачей 21 беглеца советским представителям японские власти обещали впредь этого не делать, но при условии, что эмигрантские организации возьмут на себя расходы по их отправке в Китай.

Люди, оказавшиеся в Японии после революции, сами хорошо помнили лишения и страдания, которые им довелось перенести, поэтому откликнулись на призыв о сборе средств для спасения бежавших из советской России. Была поставлена цель собрать средства, достаточные для того, чтобы отправить не менее 50 чел. в безопасный (по их мнению) порт Дальний. Сбор средств осуществлялся как в Японии, так и в Маньчжурии. Удалось собрать 2500 иен; фонд был назван «Фонд спасения беженцев из СССР». Размер переводов, поступавших на счет фонда, был всецело от частных лиц и не превышал 50 центов или 1—5 мексиканских долларов. Бывший управляющий КВЖД Хорват пожертвовал фонду одну из имеющихся у него прекрасных акварелей.

Нет достоверных сведений, имели ли подобные инциденты место в дальнейшем, но в документах МИД Японии имеется запись от 1 октября 1934 г. о том, что через сухопутную границу (из текста неясно, какая граница имеется в виду — на Сахалине или в Маньчжурии) в последнее время участились случаи бегства советских граждан, пытающихся добраться до Шанхая.

Таким образом, в 20 — 30-е годы нынешнего столетия в Хакодате формируется русская община и город становится ареной противостояния двух Росий — эмигрантской и советской. Обособленно от них существует также небольшая старообрядческая община. В 20-е годы противостояние между первыми двумя еще не имело такой степени ожесточенности, какую приобрело с началом 30-х годов: на работу в советские представительства принимались даже бывшие царские офицеры, многие эмигранты приняли советское гражданство, некоторые из них даже вернулись во Владивосток. Однако по мере сворачивания нэпа и ужесточения политического режима внутри страны практически прекращаются контакты между русскими эмигрантами и советскими гражданами, эмигранты опасаются репрессий со стороны советского консульства, оказывая помощь беглецам из советской России. Для подавляющего большинства эмигрантов из России Хакодате не стал вторым домом, а явился лишь временным приютом на пути в дальние страны.

¹ Кэмси Кацуитиро, «Хаккэй росиадзин» (Русские эмигранты), ежемесячник «Россия», 1938 г., 1 ноября.

² Газ. «Хакодате нитинити симбун». 1918 г. 20 мая.

³ Хакодатесиси (История города Хакодате). Хакодате, 1997. Т.3. С. 1036; газ. «Хакодате нитинити симбун». 1925 г. 17 февр.; газ. «Хакодате симбун» 1925. 9 февр.

⁴ Газ. «Хакодате майнити симбун». 1925 г. 5 апр.

⁵ А.Т.Мандрик. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994. С.154—155.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Газ. «Хакодате нитинити симбун». 1924. 4 мая.

⁸ А.Т. Мандрик. Там же. С.126—127.

⁹ Газ. «Хакодате симбун». 1929 г. 4 июня.

¹⁰ А.Т. Мандрик. Там же. С.145.

¹¹ По сообщению газ. «Хакодате симбун». 1929 г. 26 февр.

¹² История города Хакодате. Т.3. С.632.

¹³ Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав // Сборн. Acta Slavica Iaponica, Tomus XIV. 1996. Sapporo. Japan. С.124—125.

¹⁴ Камэи Кацуитиро. Там же.

¹⁵ Газ. «Хакодате симбун». 1926 г. 7февр.

¹⁶ Курата Юка. «1930 нэндай хадзимэ-но сорэнкёкуто кара нихон-э но хёрюмин, дассосёя» (Беглецы в Японию с советского Дальнего Востока в начале 30-х годов). Рукописные материалы, хранящиеся в историко-архивном отделе г.Хакодате.

¹⁷ Газ. «Хакодате симбун». 1932 г. 31 окт.

¹⁸ Газ. «Хоккай таймз». 1932 г. 27 окт., 2 нояб.

SUMMARY. The article written by a lecturer of the Far Eastern State University in Hakodate (Japan) A. Trekhsvyatsky «Russians in Hakodate in the First Half of the 20th Century» is about life and activity of the Russian community in this city. It tells on the work of a Russian Consul, about the mission of the Russia Orthodox church, the supply base for war-ships of Russia which were in Hakodate port then. The author writes also about the life of the Russian community in the city during the Soviet period.